Алексей Довгун

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА

ПО ТРЕБОВАНИЮ

Алексей Довгун

Последняя остановка по требованию

«Автор»
2026

Довгун А.

Последняя остановка по требованию / А. Довгун — «Автор», 2026

Ночной автобус 17 ходит по привычному маршруту, пока однажды на его пути не появляется остановка, которой не должно существовать. Ноль. Ни адреса, ни названия, ни упоминания в расписании. Но водитель знает: однажды остановившись здесь, он уже не сможет сделать вид, что ничего не произошло. Говорят, пассажиры, вышедшие на этой остановке, больше не возвращаются. Другие уверяют, что видели среди ночных пассажиров тех, кого давно похоронили. И самое страшное — остановка 0 начинает появляться всё чаще. Кого она ждёт на этот раз?

© Довгун А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девятый километр за кольцом 5
Глава 2. Медь с мёртвым гербом 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Алексей Довгун
Последняя остановка по требованию

Глава 1. Девятый километр за кольцом

Ночной автобус семнадцатого маршрута Аркадий знал эту дорогу лучше, чем любой из тех, кто крутил его вытертый до зеркального пластикового блеска руль. Двадцать три года — срок, за который в городе успело вырасти целое поколение, сменились вывески на центральных проспектах, а старые щербатые «ЛиАЗы» с вечно пахнущими угарным газом салонами уступили место гулким низкопольным машинам. Исчезли грузные кондукторши в безразмерных жилетах, звеневшие мелочью в кожаных сумках на животе; вместо них на поручнях теперь висели бездушные пластиковые коробки валидаторов, мигающие в полумраке тусклыми зелёными глазами. Половину городских остановок зашили в серый металл и снабдили электронными табло, где янтарные точки складывались в минуты ожидания, обещая редким полуночникам, что о них ещё кто-то помнит.

Но стоило автобусу пересечь невидимую черту городского кольца, как время словно попадало в вязкую глину, замедлялось и теряло всякий счёт. Девять километров черного, вечно влажного асфальта тянулись вдоль высокой железнодорожной насыпи. С одной стороны на дорогу давили глухие бетонные заборы давно обанкротившегося кирпичного завода с проваленными крышами цехов и слепыми глазницами выбитых окон с остатками стекол. С другой — жался к откосу старый рабочий посёлок, который ещё при прошлом мэре формально включили в черту города, да так и бросили гнить в низине, пожалев денег даже на нормальные уличные фонари. Здесь не ловили цифровые радиостанции, валидаторы теряли связь с сервером, а свет автобусных фар не столько разгонял темноту, сколько вырезал из неё уродливые куски рыжего бурьяна, ржавой арматуры и покосившихся телеграфных столбов.

Именно здесь, в этой слепой кишке между живым городом и сонным пригородом, Аркадий Лунёв впервые увидел остановку, которой не существовало ни в одной дорожной карте.

Это случилось в глухую ночь с понедельника на вторник, когда стрелки на приборной панели перевалили за половину первого. Ноябрь в этом году выдался бесснежным, липким и пронзительно сырым. С неба уже третьи сутки сеялась даже не морось, а какая-то ледяная водяная пыль, которая не смывала грязь с лобового стекла, а лишь размазывала её под уставшими щётками дворников в мутную, радужную плёнку.

Аркадий сидел за рулём одиннадцатый час подряд. До конца смены оставалось отмотать всего два круга — туда и обратно, после чего можно будет наконец загнать тяжёлую машину на мойку, бросить на стол сонной диспетчерше заполненный путевой лист, забрать со шкафчика пропахшую табаком и соляркой куртку и медлено побрести домой, в свою пустую двухкомнатную квартиру на окраине. Поясницу ломило так, словно в позвоночник загнали раскалённый железный штырь, а правое колено — старый подарок с тех времён, когда он ещё крутил гайки в ремонтной яме и сорвался со скользких ступенек, — ныло тупой, выматывающей болью при каждом нажатии на педаль. В жестяном подстаканнике под левой рукой подрагивал старый китайский термос; чай в нём давно остыл и отдавал дешёвым нагретым пластиком, но Аркадий всё равно время от времени делал мелкий глоток, просто чтобы смочить пересохшее от греющей печки горло.

В длинном, тускло освещённом чреве салона покачивались четверо пассажиров.

На самой «галёрке», там, где под сиденьями глухо и размеренно рычал дизель, устроились двое парней в одинаковых дутых куртках с капюшонами. Они негромко, без особого

азарта спорили о вчерашнем футбольном матче, то и дело переходя на сонное бормотание; от них едва уловимо тянуло дешёвым пивом и сырой шерстью. В середине салона, привалившись виском к холодному, запотевшему стеклу возле центральной двери, дремала немолодая женщина в некогда белом, а ныне застиранном до серой желтизны пуховике. Даже во сне она судорожно, побелевшими пальцами прижимала к груди клетчатую хозяйственную сумку, из которой торчал батон в полиэтилене и пучок увядшего лука.

Четвёртый пассажир стоял сразу за водительской перегородкой, держась за вертикальный жёлтый поручень. Он не садился, хотя вокруг него зияли пустотой два десятка дерматиновых кресел.

Аркадий скосил глаза на широкое панорамное зеркало над головой.

Мужчине на вид было около пятидесяти, может, чуть больше. Из-под коротких, идеально ровно подстриженных седых волос проступал сухой, землистого оттенка череп с резкими тенями под скулами и узким, словно вырезанным из старой кости лицом. Одет он был так, словно собрался в дорогу лет двадцать или тридцать тому назад и с тех пор ни разу не заглядывал в гардероб: тяжёлое тёмное драповое пальто до середины икр ног, грубый шерстяной шарф, глухо закрывающий шею, и старомодные кожаные ботинки с высокими, плотно зашнурованными голенищами. Впрочем, одежда не выглядела ни рваной, ни грязной — скорее музейной, сохранившей в своих глубоких складках запах нафталина и чужих, давно закрытых шкафов. В левой руке, не прижимая к себе, а удерживая на весу за скрученный верхний край, он держал небольшой пакет из плотной коричневой обёрточной бумаги.

Странным было не пальто и даже не этот нелепый свёрток, каких не делали в магазинах со времён перестройки. Странным было то, как этот человек стоял. Автобус то и дело подбрасывало на выбоинах разбитого пригородного шоссе, кузов кренился на виражах, спящая женщина у двери мелко кивала головой в такт толчкам, а человек в драповом пальто оставался абсолютно недвижим. Казалось, его подошвы намертво приросли к рифлёному резиновому полу автобуса.

На последнем перед выездом из освещённой зоны светофоре, когда красный сигнал залил мокрый капот кровавым отблеском, мужчина плавно, почти беззвучно подался вперёд и приблизил лицо к круглому окошку в перегородке кабины. От него не пахло ни табаком, ни одеколоном, ни живым человеческим теплом — только погребной прохладой и мокрой опавшей листвой.

— Вы до конечной? — голос у него оказался глухим, ровным, лишённым всяких интонаций, будто пластинка проигрывала записанную много лет назад фразу.

— До конечной, — буркнул Аркадий, не поворачивая головы и следя за таймером светофора.

— Потом обратно?

— Через разворотное кольцо, один рейс до парка — и в депо, на боковую.

Мужчина медленно качнул головой, словно ставил невидимую галочку в каком-то одному ему известном формуляре. Уголки его тонких, бескровных губ даже не дрогнули.

— Значит, успеем.

Аркадий нахмурился, переводя взгляд с зеленеющего сигнала светофора на зеркало заднего вида:

— Что успеем, отец? Автобус по расписанию идёт, минута в минуту.

— Ничего, — так же бесцветно отозвался пассажир. — Извините.

Он выпрямился, снова превратившись в застывшую тёмную колонну у поручня.

Аркадий только плечом дёрнул и плавно выжал сцепление. За девятнадцать лет баранки, из которых добрую половину он отдал ночным сменам, каких только чудиков не заносило в его салон. Ночь вообще выманивает из городских щелей тех, кто днём боится показаться на глаза людям. Бывали тихие помешанные, которые всю дорогу шептали молитвы или ругались

с собственным отражением в чёрном стекле; бывали пьяные советчики, норовившие рассказать, где срезать путь через дворы; а года три назад к нему каждую пятницу подсаживался дряхлый, высохший до состояния мумии старик с пустым птичьим клетчатым коробом — он исправно брал в валидаторе билет у вокзала, доезжал до областной клинической больницы, не выходя из салона, оплачивал обратный проезд и возвращался к привокзальной площади. Главное правило ночного водителя — не лезть в чужую голову, пока пассажир не буянит и не мешает вести машину.

Автобус тяжело перевалился через горбатый железнодорожный переезд, глухо звякнув подвеской на скользких, отполированных товарняками рельсах. Огни последних окраинных пятиэтажек остались позади, словно их отрезало ножом. Справа потянулись угрюмые, слепые коробки заброшенных продуктовых складов, за которыми сразу же вздыбилась чёрная громада железнодорожной насыпи, поросшая мёртвым, по пояс человеку, сухим репейником и полынью.

Дорога здесь уходила в затяжной, пологий изгиб. Жёлтые конусы автобусных фар скользили по пространству, выхватывая из вязкой тьмы однообразные картины: сначала ряд покосившихся белых бетонных столбиков со следами давних ударов бамперами, затем лоснящуюся, как спина угря, ленту мокрого асфальта, затем облезлый треугольник дорожного знака, предупреждающего о крутом повороте.

Аркадий привычным движением пальцев щёлкнул рычажком правого поворотника. В кабине затикало реле: *клац-клац, клац-клац*.

Впереди по курсу лежала остановка «Садовое товарищество» — призрачный оплот дачников, где с середины октября до самой апрельской капели не ступала нога человека. По регламенту он обязан был притормозить у разбитой бетонной площадки, убедиться, что из зарослей одичавшей облепихи никто не машет рукой, и дальше гнать без единой остановки все оставшиеся километры до самого разворотного круга на конечной.

Автобус миновал синюю жестянку знака «Садовое товарищество», даже не открывая дверей — вокруг стояла мёртвая, звенящая пустота. Аркадий уже придавил было педаль газа, набирая крейсерские шестьдесят километров в час, как вдруг в тишине кабины раздался резкий, пронзительный зуммер, а на приборной панели, прямо над тахометром, вспыхнул ядовито-красный глазок: «ТРЕБОВАНИЕ ОСТАНОВКИ».

Водитель от неожиданности вздрогнул и бросил быстрый взгляд в салонное зеркало.

Ничего не изменилось. Женщина в сером пуховике всё так же клевала носом у средней двери, уткнувшись подбородком в воротник. Парни на заднем ряду увлечённо тыкали пальцами в светящийся экран одного на двоих смартфона. Мужчина в драповом пальто стоял вполоборота, уставившись в абсолютно чёрное, непроглядное окно, за которым проносилась насыпь. Его правая рука лежала на поручне в полуметре от пластикового корпуса сигнальной кнопки, левая сжимала бумажный свёрток.

— Кто кнопку нажал? — громко, с металлом в голосе крикнул Аркадий в круглое окошко перегородки.

В ответ — только ровный гул мотора и шорох шин по воде.

Аркадий нахмурился и перевёл взгляд на малое сферическое зеркало, закреплённое над центральной накопительной площадкой. Массивная красная кнопка на поручне светилась изнутри тревожным диодным ободком — так бывало только тогда, когда её вдавливали до характерного щелчка. Такие кнопки ставили специально для загородных участков возле старого частного сектора, где отродясь не строили павильонов: нажмёт какая-нибудь бабка с вёдрами — и водитель прижмётся к раскисшей гравийной обочине у самодельного дорожного кармана. Но здесь, между заброшенными дачами и глухой стеной кирпичного завода, никакого жилья не было и в помине. Только гнилое болотце в низине да насыпь наверху.

Нехотя убрав ногу с педали газа, Аркадий позволил тяжёлой машине плавно потерять ход.

— Ну и где вам выходить? — раздражённо бросил он в салон. — Тут до самого посёлка ни черта нет, одна глина!

Мужчина в тёмном пальто медленно, словно превозмогая сопротивление невидимой воды, повернул голову к кабине. В тусклом зеленоватом отсвете приборной панели его глаза показались Аркадию совершенно пустыми, лишёнными блеска, как два кусочка мокрого антрацита.

— Здесь, — негромко произнёс он.

— Где «здесь»?! — Аркадий почувствовал, как под воротником форменной рубашки закипает злая, усталая испарина. — Какая тебе тут остановка? Лес кругом да рельсы!

— Следующая, — всё тем же мёртвым, спокойным тоном ответил пассажир.

Водитель машинально скосил глаза на заламинированную технологическую карту маршрута, притянутую пластиковыми хомутами к кожуху торпеды. Чёрная жирная линия шла от «Садового товарищества» прямиком до кружка с надписью «Конечная. Посёлок Южный». Никаких точек, никаких штрихов посередине не значилось.

— Мужик, у нас дальше конечная по схеме, — отчеканил Аркадий, стараясь говорить вежливо, как учили на инструктажах по работе с конфликтными гражданами. — Пять километров перегона без остановок.

— Я знаю, — согласился седой.

— Если знаешь, какого лешего кнопку жмёшь? Или это не ты нажал?

Пассажир ничего не ответил. Он просто отвернулся от окошка кабины и снова уставился вперёд, сквозь широкое лобовое стекло автобуса, туда, где свет фар с трудом пробивал густеющую над асфальтом белёсую мглу.

Автобус на холостых оборотах прокатился ещё метров четыреста или пятьсот, огибая особенно крутой выступ железнодорожного откоса. И вдруг Аркадий прищурился, подавшись грудью к самому рулю.

Справа, там, где ещё вчера — он готов был поклясться собственной жизнью и водительским стажем! — сразу за узкой полоской щебня начинался крутой кювет, заросший чахлым лозняком, из тумана выплыл аккуратный асфальтовый карман. А сразу за ним, вплотную к стене высокого сухого бурьяна, стоял остановочный павильон.

Нога Аркадия сама собой перепрыгнула на педаль тормоза, заставив шины тихо прошуршать по мокрому покрытию.

Это была узкая, нелепо вытянутая вверх металлическая конструкция из тех, что клепали на местных заводах ещё в конце семидесятых годов: каркас из сваренных внахлёст ржавых уголков, плоская односкатная крыша, две узкие скамейки из почерневших, рассохшихся деревянных реек и глухая боковая стенка, забранная армированным стеклом в мелкую проволочную сетку.

И внутри этого железного скелета, под самым потолком, горела лампа. Не современный светодиодный прожектор и даже не длинная люминесцентная трубка, а самая обыкновенная пузатая лампочка накаливания в мутном гранёном плафоне, какие вешали в сырых подъездах старых сталинских домов. Её тусклый, болезненно-жёлтый свет едва доставал до скамеек, выхватывая из темноты толстый, слежавшийся за многие осени ковёр прелых бурых листьев на крыше и лохмотья старой, в несколько слоёв наложенной голубой краски, которая свернулась на железных стойках сухими струпьями. Само стекло боковой стенки было настолько мутным, затянутым вековой пылью и потёками ржавчины, что за ним угадывалась лишь бесформенная чернота.

Но страшнее всего оказалась табличка, прикрученная проволокой к правому верхнему углу навеса.

Там не было ни слова «Автобус», ни расписания, ни названия улицы или совхоза. Только выцветшее от дождей и времени белое поле, поперёк которого шла жирная горизонтальная полоса, а над ней чернела одна-единственная, выведенная по трафарету цифра: **0**.

По спине Аркадия, от самого затылка до поясницы, будто провели кубиком льда. Инстинкт, выработанный годами ночных дорог, сработал быстрее разума: не останавливаться в гиблых местах, не открывать двери перед тем, чего не должно быть на свете. Он резко перенёс стопу с тормоза на акселератор и вдавил педаль в пол.

Дизель в хвосте машины недовольно взревел, выплюнув в сырую ночь облако сизого дыма, и автобус, тяжело качнувшись, пронёсся мимо ржавого павильона, обдав его стойки веером грязных брызг из-под правых колёс.

Спустя ровно три секунды в кабине сухо щёлкнуло реле. Красный глазок «ТРЕБОВАНИЕ ОСТАНОВКИ» на приборной панели погас сам собой, словно невидимый палец отпустил кнопку.

В салоне повисла тяжёлая, ватная тишина. Аркадий слышал собственное дыхание и то, как в такт пульсу глухо стучит кровь в висках. В зеркале заднего вида он встретился взглядом с мужчиной в драповом пальто. Тот больше не смотрел на дорогу — его неподвижные тёмные глаза были прикованы к затылку водителя.

— Почему вы не остановились? — тихо, без упрёка, но с какой-то ледяной тяжестью в голосе спросил пассажир.

— Потому что нет тут никакой остановки! — почти выкрикнул Аркадий, чувствуя, как страх мгновенно переплавляется в привычную шофёрскую злость. Руки его так стиснули обод руля, что побелели костяшки пальцев.

— Она есть. Вы же сами её видели, — ровно возразил седой.

— Мало ли какую рухлядь строители в кустах забыли! — отрезал водитель. — В моём расписании её нет! Понял?

— В расписании её никогда не было, — негромко произнёс мужчина, и в его голосе вдруг прозвучало что-то похожее на бесконечную, многолетнюю усталость.

Аркадий резко дёрнул плечом, отгоняя наваждение:

— Короче так, гражданин хороший! — он повысил голос, надеясь, что его услышат парни на заднем ряду и хоть как-то разрядят эту невыносимую обстановку, но те словно оглохли. — Если тебе приспичило выходить — жми кнопку там, где положено по правилам перевозок! А устраивать мне тут ночные экскурсии по канавам да заброшкам не надо, у меня план и ГЛОНАСС на крыше каждый метр пишет! Выйдешь на конечной, как все нормальные люди!

Мужчина в пальто долго смотрел на него сквозь круглое окошко перегородки, а затем медленно, покорно опустил веки.

— Вы правы, — шелестяще выдохнул он. — Простите меня.

Он отпустил поручень, сделал один короткий шаг назад и опустился на ближайшее боковое сиденье у прохода, аккуратно положив бумажный пакет себе на колени, поверх скрещённых бледных рук.

Оставшиеся четыре километра до посёлка Южный Аркадий гнал машину так, словно за ним по пятам катилась погоня. Стрелка спидометра дрожала у отметки в семьдесят пять, кузов скрипел всеми своими старыми сочленениями, но водителю было плевать на амортизаторы. В груди ворочалось мерзкое, сосущее чувство — смесь тревоги, брезгливости и какого-то детского, безотчётного ужаса перед темнотой за спиной. Он пытался убедить себя, что ничего особенного не произошло: ну, осталась со времён строительства железной дороги или старого кирпичного завода какая-то ведомственная остановка для рабочих; ну, нарисовал какой-то пьяный подросток из баллончика этот дурацкий ноль на жестяной табличке; ну, замкнуло от ночной сырости проводку в фонарном столбе, вот лампочка и зажглась не вовремя. Всё это звучало разумно, логично и правильно.

Вот только Аркадий Лунёв утюжил этот проклятый девятикилометровый перегон без малого девятнадцать лет — и в дождь, и в метель, и в ясные июньские зори. Он знал здесь каждую выбоину в асфальте, каждый куст шиповника на откосе, каждую трещину в бетонном заборе завода. И он мог дать голову на отсечение: ещё два часа назад, во время предыдущего рейса, на том месте не было ни кармана, ни ржавого навеса, ни этой мёртвой жёлтой лампы.

Когда впереди наконец замаячили редкие оранжевые фонари разворотного круга на конечной, Аркадий едва сдержал вздох облегчения. Здесь всё было живым, понятным и настоящим: светилось круглосуточное окошко продуктового ларька, у поребрика скучали с включёнными габаритами две серебристые «Гранты» местных таксистов, а в лужах под ногами плавали размокшие окурки.

Автобус с протяжным шипением пневматики привалился к бордюру и распахнул все три двери, впуская в нагретый салон клубы сырого ночного воздуха.

Парни с заднего ряда, не прощаясь и продолжая бурчать что-то под нос, вывалились на тротуар и трусцой припустили к стоянке такси. Проснувшаяся женщина в пуховике тяжело сошла по ступенькам средней площадки, на ходу обернулась к кабине и негромко крикнула: «Спасибо, командир!», после чего зашаркала в темноту спального квартала.

Мужчина в драповом пальто выходил последним, через переднюю дверь, совсем рядом с водительским местом. Спускаясь по ступенькам, он вдруг замер, придерживая свободной рукой полу своего тяжёлого одеяния, и поднял голову к Аркадию.

— Вы завтра тоже работаете? — спросил он тем же ровным, скрипучим голосом.

— По графику работаю, — не глядя на него, буркнул Аркадий, делая вид, что страшно занят заполнением строчек в путевом листе.

— Снова в ночную?

— В ночную. Две через две у меня.

— Хорошо, — кивнул пассажир.

Он ступил на мокрый асфальт, поправил на груди тёмный шарф и, не оглядываясь, зашагал прочь — но не в сторону жилых пятиэтажек, куда ушла женщина с сумкой, а на противоположную сторону дороги, к сиротливому навесу посадочной площадки в сторону центра.

Аркадий проводил его долгим, тяжёлым взглядом, пока высокая сутулая фигура не растворилась в тени за ларьком. Только тогда водитель нажал на клавишу закрытия дверей, вывернул руль до упора, описывая широкую дугу по разворотному кольцу, и остановил машину на отстое, переключив освещение салона на тусклый дежурный режим.

Снаружи, на лобовом электронном указателе, послушно сменилась надпись: **«№ 17. В ПАРК»**.

Не поленившись, Аркадий отстегнул ремень безопасности, открыл дверцу кабины и прошёл по пустому, гулкому салону к средней двери. Он долго рассматривал красную кнопку требования остановки, пробовал её пальцем на люфт, несколько раз нажал и сбросил вызов с пульта в кабине. Кнопка работала идеально, с чётким упругим ходом пружины; ни малейшего намёка на залипание контактов или сырость внутри корпуса не было.

— Привидится же всякая чертовщина с недосыпа… — вслух пробормотал он, возвращаясь в своё продавленное кресло.

Он шумно выдохнул, допил из термоса последние ледяные капли отдающего пластмассой чая, воткнул первую передачу и вывел автобус обратно на ночную трассу. Оставался один-единственный перегон до ворот родного депо, и эта ночь останется позади.

Глава 2. Медь с мёртвым гербом

Обратный путь в автопарк всегда казался Аркадию самым бесконечным отрезком смены. Когда в салоне есть хотя бы один живой человек, ты связан невидимым договором: следишь за плавностью хода, поглядываешь в зеркала, слушаешь чужой кашель или шуршание пакетов. Но когда автобус едет порожняком, а в широких окнах отражается лишь пустой ряд тусклых плафонов дежурного света, накатывает вязкая, гипнотическая дремота. Кажется, что ты не едешь сквозь городскую окраину, а стоишь на месте в огромном железном аквариуме, мимо которого кто-то медленно протягивает чёрную декорацию из мокрых кустов, столбов и развалин.

Аркадий приоткрыл форточку со своей стороны, впуская в кабину узкую струйку ледяного ночного воздуха. Ветер пах прелой листвой, угольным шлаком с железнодорожной насыпи и сырым железом. Дворники мерно, со старческим поскрипыванием расчищали на лобовом стекле два полукруга.

Он знал, что приближается к тому самому месту.

Как бы он ни уговаривал себя на разворотном круге, что ржавый навес среди бурьяна — просто забытый дорожниками хлам, внутри всё равно натянулась холодная, звенящая струна. Нога на педали газа невольно ослабила нажим.

Когда затяжной поворот вдоль откоса распрямился, Аркадий прищурился, вглядываясь в левую обочину — на той стороне дороги, по которой он шёл четверть часа назад в сторону Южного.

Павильон стоял на прежнем месте, вросший по самые скамейки в мокрую рыжую траву.

Вот только жёлтая лампочка под его плоской крышей больше не горела. Внутри железной коробки царила густая, непроглядная тень, а квадратная жестяная табличка сбоку, на которой совсем недавно отчётливо темнел трафаретный ноль, теперь казалась совершенно пустой — просто кусок выбеленного дождями металла.

А в шаге от проржавевшей стойки, у самого края асфальтового кармана, стоял человек.

Мужчина в длинном тёмном пальто.

Он стоял лицом к встречной полосе, по которой приближался автобус, и даже на расстоянии сотни метров Аркадий видел бледное пятно его узкого лица и коричневый бумажный свёрток в левой руке. Холодный ветер с насыпи трепал верхушки сухого репейника, раскачивал провода над головой, но полы тяжёлого драпового пальто висели отвесно и неподвижно, словно высеченные из чёрного камня.

Аркадий похолодел. Этого просто не могло быть. Между конечной в посёлке Южный и этим проклятым бугром возле рельсов — четыре с лишним километра раскисшей обочины без единого тротуара. Он высадил этого седого старика от силы десять минут назад, развернулся, проверил кнопку в салоне и сразу выехал обратно. Ни один человек на свете, даже бегом, не смог бы преодолеть это расстояние быстрее автобуса. А попутных машин на трассе не было ни одной — встречная полоса чернела девственной, нетронутой влагой.

Мужчина у павильона медленно поднял правую руку, голосуя в пустоте ночного шоссе.

И Аркадий нажал на тормоз.

Многотонная машина послушно клюнула носом, пересекла сплошную осевую линию — благо вокруг на километры не светилось ни одной фары — и с тихим шипением замерла на левой обочине, прямо напротив тёмного навеса.

Лишь когда пальцы сами собой потянулись к тумблеру открывания передней двери, Аркадий с внезапным, леденящим душу оцепенением осознал: он остановился вовсе не из шофёрской солидарности и не от испуга перед внезапным пешеходом. Он ударил по тормозам потому, что в тот миг, когда дальний свет фар полоснул по узкому скуластому лицу незнакомца,

внутри него что-то глухо и болезненно отозвалось. Он узнал этого человека. Не по сегодняшнему рейсу — глубже, страшнее, словно вытащил со дна колодца тяжёлый, обросший тиной камень, который когда-то сам же туда и бросил.

Передняя створка со вздохом сложилась гармошкой, впуская в кабину сырой холод.

— Вы что, пешком сюда по шпалам бежали? — голос Аркадия прозвучал хрипло и чужеродно в гулкой тишине салона.

Мужчина неторопливо поднялся по ступенькам, отряхивая подошвы высоких ботинок о резиновый коврик, хотя грязи на них не было.

— Нет, — спокойно ответил он.

— Тогда каким чудом вы здесь оказались раньше меня?! Вы же на кольце вышли десять минут назад!

— Я ждал, — сказал пассажир, останавливаясь у низкой перегородки кабины. Вблизи от него всё так же тянуло старой, слежавшейся тканью и холодным камнем.

— Чего ждал? Автобусы в это время больше не ходят, на табло же написано — «В парк»!

— Вас ждал, — просто ответил седой и посмотрел водителю прямо в глаза.

У Аркадия перехватило дыхание. На зелёном табло электронных часов посреди торпеды горели цифры: **00:47**. До ворот родного автобусного парка оставалось от силы шесть минут хода по пустой трассе. Ему вдруг до крика, до рези в глазах захотелось вытолкать этого человека обратно в сырую мглу, захлопнуть двери и вдавить педаль в пол.

— Слушайте, у меня нет ни времени, ни желания разгадывать ваши полуночные ребусы, — жёстко проговорил Аркадий, намеренно отводя взгляд на приборы. — Или выходите обратно на улицу, или оплачивайте проезд до депо. Безбилетников в парковый рейс не беру.

Мужчина молча сунул свободную руку в глубокий карман пальто, вынул её и разжал узкую бледную ладонь над монетницей на крышке капота.

С глухим, тяжёлым звоном на чёрный пластик легли три кружка металла.

Аркадий скосил глаза вниз и замер. Это были не нынешние лёгкие стальные рубли, которые звенят жестянкой и липнут к магниту. Монеты были крупными, толстыми, потемневшими от времени до густой бурой патины. На верхнем кругляше сквозь вековую окись тускло проступал чеканный венок из колосьев и серп с молотом на фоне земного шара — старая советская медь, вышедшая из оборота ещё тогда, когда сам Аркадий бегал в школу в синей полушерстяной форме.

— Вы бы ещё царскими червонцами расплатились, — криво усмехнулся водитель, чувствуя, как по коже рук бегут мелкие колючие мурашки. — Такие деньги, уважаемый, уже лет тридцать как ни один магазин не принимает.

— Знаю, — невозмутимо кивнул пассажир.

— А коли знаешь — зачем суёшь?

Мужчина осторожно, кончиками пальцев пододвинул потемневшие медяки ближе к краю приборной панели, туда, где у Аркадия лежал свёрнутый вчетверо путевой лист.

— На этот раз хватит, — тихо произнёс он.

Аркадий уже открыл было рот, чтобы рявкнуть что-нибудь матерное и вернуть эту мертвецкую мелочь владельцу, но мужчина в пальто больше не слушал. Он развернулся, бесшумно шагнул за белую ограничительную линию и опустился на самое первое пассажирское сиденье справа, сразу за спиной водителя.

Выругавшись сквозь зубы, Аркадий щёлкнул тумблером дверей, включил передачу и резко рванул машину с места, возвращаясь на свою полосу. Касаться холодных старых монет голыми руками почему-то до тошноты не хотелось — пусть валяются до парка, а там он смахнёт их тряпкой в мусорное ведро.

Автобус набрал ход. Снова потянулись бесконечные бетонные плиты заводского забора, снова зашуршала под колёсами мелкая водяная взвесь. В салоне стояла такая плотная тишина, что было слышно, как тикают наручные часы на запястье Аркадия.

Прошло, наверное, с полминуты, прежде чем из-за перегородки снова донёсся ровный, словно лишённый живых красок голос:

— Вы помните ту аварию?

Пальцы Аркадия судорожно стиснули оплётку руля. Внутри всё оборвалось и ухнуло куда-то в ледяную пустоту.

— Какую ещё аварию? — глухо переспросил он, глядя прямо перед собой в размытый дождём конус света. — Мало ли кто тут бьётся по дороге…

— На этом самом маршруте, — негромко уточнил человек в пальто. — Двадцать лет назад. В феврале.

Аркадий промолчал, тяжело сглотнув вязкую слюну.

Ему не нужно было объяснять, о каком именно феврале шла речь. Эту историю в третьем автобусном парке знали даже зелёные стажёры, хотя вслух за домино в комнате отдыха её старались не ворошить. Восемнадцатого февраля две тысячи шестого года, в глухую метельную ночь, линейный «ЛиАЗ» семнадцатого маршрута слетел с обледеневшей трассы как раз на этом девятикилометровом перегоне под железнодорожной насыпью. Машину протащило брюхом по мёрзлому кустарнику и впечатало кабиной в бетонную опору старого семафора. Водитель скончался на месте ещё до приезда скорой — рулевая колонка вошла ему прямо в грудь. В салоне по данным милицейских сводок находилось семеро припозднившихся горожан: четверых с переломами и обморожениями вытащили спасатели под утро, а ещё трое исчезли. Просто растворились в ночной вьюге. Собаки теряли след у самой кромки асфальта, волонтёры и курсанты прочесали всю промзону, вскрыли заброшенные цеха кирпичного завода, облазили коллекторы и полосу отчуждения вдоль путей — ни тел, ни обрывков одежды, ни единого следа на снегу так и не нашли.

Сам Аркадий тогда за рулём ещё не сидел — по крайней мере, в штатном расписании водителей его фамилия появилась лишь год спустя, весной седьмого. А когда он принял этот маршрут, старики-шофёры, докуривая дешёвые папиросы у смотровой ямы, цедили сквозь зубы: мол, место там проклятое, гиблый уклон, тормоза у старой машины прихватило морозом, да и водитель, по слухам, гнал под восемьдесят, чтобы поскорее закрыть смену. Прибывшая комиссия из управления транспорта быстро списала всё на гололёд и роковую ошибку водителя, дело сшили и сдали в архив.

Но по ночам, когда в депо оставались только дежурные механики да сторожа, шептались совсем о другом.

Говорили, будто выжившие пассажиры на допросах в один голос твердили какую-то дичь: что никакой метели и заноса они не помнят, а помнят лишь, как водитель ни с того ни с сего затормозил посреди голого поля у какой-то старой, богом забытой будки, открыл двери и впустил внутрь странного человека. И что после этого автобус ехал сквозь кромешную тьму целую вечность, пока не очнулся утром в кювете с мёртвым шофёром за рулём.

Девятнадцать лет Аркадий считал эти россказни обычным гаражным фольклором, каким пугают новичков перед первой зимней сменой.

До сегодняшней ночи.

— Я ничего об этом не знаю и знать не могу, — отрезал он, заставляя свой голос звучать твёрдо и зло. — Я в те годы баранку на линии не крутил.

— Конечно, — мягко, почти сочувственно согласился мужчина за перегородкой. — Конечно, не помните.

Он замолчал и плавно повернул голову к правому окну.

За мокрым стеклом проплывали бесконечные чёрные склады, редкие кривые сосны на откосе и мёртвые, с заколоченными крест-накрест окнами бараки старого посёлка. Трасса казалась вымершей до самого горизонта — ни единого встречного огонька, ни собаки на обочине, ни светящегося квадратика в дачных домиках.

Аркадий осторожно, одним уголком глаза взглянул в салонное зеркало.

Длинный ряд пустых кресел уходил в полумрак кормы. На самом первом сиденье чернел силуэт мужчины в драповом пальто. Пассажир сидел вполоборота, глядя сквозь боковое стекло в уплывающую назад темноту.

Но его отражение в этом самом чёрном, залитом дождём оконном стекле не смотрело на обочину.

Отражение было повёрнуто лицом к кабине. И два глубоких, подёрнутых мутной поволокой глаза из зазеркалья неотрывно, в упор смотрели прямо на Аркадия.

Водителя затрясло так, что нога едва не соскользнула с педали акселератора. Он резко отвернулся от зеркала, вцепившись обеими руками в руль и уставившись на спасительные огни городской черты, которые наконец-то вынырнули из-за поворота после железнодорожного переезда. Ещё километр. Ещё полкилометра. Только бы дотянуть до живого света, до людей, до асфальтовой площадки перед диспетчерской!

Вместо того чтобы сразу свернуть в ворота автопарка, Аркадий резко вывернул руль к ярко освещённой конечной остановке у закрытого ночного универмага, где отстаивались машины перед заходом в гараж, ударил по тормозам и врубил полное, слепящее освещение салона.

Яркий белый свет люминесцентных ламп мгновенно убил все пугающие тени и отражения в окнах.

— Приехали! — громко, почти срываясь на крик, объявил Аркадий и распахнул двери настежь. — Конечная остановка! Освободите салон, машина идёт на мойку!

Мужчина в тёмном пальто даже не шелохнулся. Он всё так же сидел на переднем месте, сложив руки поверх коричневого бумажного пакета.

— Я знаю, что приехали, — тихо отозвался он.

— Ну так и в чём дело?! Выходи давай!

— Мне не сюда. Мне нужна следующая остановка, — спокойно пояснил пассажир.

Аркадий медленно развернулся в кресле всем корпусом, чувствуя, как от страха и дикого напряжения последних минут в висках начинает ломить с такой силой, будто череп стягивают железным обручем.

— Какая ещё, к дьяволу, следующая остановка?!

— Та самая, на которой я должен выйти, — ответил седой.

— Слушай сюда, — процедил водитель сквозь сжатые зубы, глядя на него через круглое окно перегородки. — У меня один маршрут — семнадцатый. Все остановки наперечёт, от вокзала до посёлка Южный. Надо тебе в центр — жди утренней развозки в пять тридцать. Надо на вокзал — вон у ларька таксист курит, за три сотни довезёт с ветерком. А я тебя катать по ночам туда-сюда не нанимался! Смена окончена!

— Вы уже катаете меня всю ночь, — негромко произнёс мужчина.

— Чего?! — Аркадий осекся. — Мы с тобой что, родственники? Или знакомы сто лет?

— Нет, — качнул головой пассажир.

— Тогда с какого перепугу ты несёшь, будто я тебя всю ночь вожу?! Я тебя час назад впервые в жизни увидел!

Мужчина медленно повернул к нему своё узкое, серое в свете потолочных ламп лицо. В уголках его губ проступило нечто отдалённо напоминающее горькую, мёртвую усмешку.

— Потому что вы всегда возвращаетесь на этот круг, Аркадий, — сказал он.

Водитель с силой, до хруста пластика повернул ключ в замке зажигания, глуша дизель. В наступившей тишине было слышно только, как остывает под днищем раскалённый металл глушителя.

— Всё. Хватит с меня этого цирка. На выход, быстро, иначе сейчас наряд полиции вызову!

Седой не стал спорить. Он тяжело, но на удивление бесшумно поднялся с сиденья, поправил пакет под мышкой и шагнул к открытой передней двери. Аркадий уже облегчённо перевёл дух, уверенный, что сейчас этот безумец наконец исчезнет из его жизни, но на нижней ступеньке пассажир вдруг притормозил и вполоборота оглянулся на кабину:

— Скажите… у вас в парке ещё сохранился старый журнал выходов на линию?

— Какой ещё журнал? У нас давно всё в компьютерах у диспетчера, — буркнул Аркадий.

— Бумажный. За февраль две тысячи шестого года, — уточнил мужчина.

— Да сдался мне твой две тысячи шестой! Я же русским языком сказал — не работал я тут тогда!

— Но архив ведь в депо остался? Старые книги учёта не выбрасывают сразу.

— Может, и валяется где в подвале у старьёвщиков, мне-то какое дело?

— Найдите его, — тихо попросил пассажир. — Посмотрите запись за восемнадцатое число.

Он сошёл с подножки на мокрый асфальт, плотнее запахнул на груди шерстяной шарф и неспешным, размеренным шагом двинулся прочь. Но пошёл он не к освещённому перекрёстку, где стояли жилые дома и светилась вывеска аптеки, а обратно — в сторону тёмного горба железнодорожного переезда, туда, где за городской чертой начиналась глухая девятикилометровая кишка вдоль насыпи.

Внутри у Аркадия вдруг похолодело от внезапной догадки. Он ведь ни разу за всю поездку не называл этому человеку своего имени. А бейджик с фамилией и карточкой водителя ещё с вечера валялся в бардачке под слоем старых квитанций.

Он рывком подался к открытой двери и крикнул вдогонку уходящей фигуре:

— Эй! Постой!

Мужчина остановился в нескольких метрах от автобуса, на самой границе света уличного фонаря и густой придорожной тьмы.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?!

Тот медленно обернулся через плечо.

— Вы же сами знаете откуда, — донёсся сквозь шум ночного ветра его глухой голос.

— Не знаю я тебя! В первый раз вижу!

— Знаете, Аркадий, — он произнёс это имя так мягко и буднично, словно они проработали бок о бок четверть века и каждый вечер делили хлеб в одной бытовке.

— А тебя как звать-то, полуночник?! — выкрикнул водитель, чувствуя, как по спине снова ползёт ледяной пот.

Седой помолчал несколько секунд, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя или силясь разобрать полустёртую надпись на старом камне.

— Павел, — наконец ответил он.

— А по фамилии как?

— Когда-то была и фамилия, — безучастно отозвался тот. — Давно.

Он отвернулся, сделал ещё два шага и словно растворился в чёрной тени за бетонным столбом путепровода. Аркадий ещё с минуту сидел, вцепившись пальцами в дверной поручень и вглядываясь в пустую обочину, но на дороге больше никого не было — только ветер гнал по лужам жёлтые берёзовые листья.

Захлопнув двери и заведя мотор, он буквально за две минуты долетел до родного автопарка, проскочил под поднятый шлагбаум и поставил машину в крайний ряд отстоя, даже не

заезжая на ночную мойку. Руки дрожали так, что он с третьего раза попал ключом в замочную скважину инструментального ящика. Перед тем как покинуть кабину, он с брезгливым содроганием сгрёб с торпеды через свёрнутую бумажную салфетку три старые советские монеты и сунул их в боковой карман куртки — оставлять эту чертовщину в машине на виду у сменщика или механиков почему-то было нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.